

няв ее наименование. Командующим назначили меня, начальником штаба — полковника С.М. Малинина, начальником артиллерии — генерал-майора В.И. Казакова, членом Военного совета — генерал-майора А.А. Лобачева. Мой предшественник генерал М.Ф. Лукин принял 20-ю армию вместо отозванного в Москву генерала П.А. Курочкина.

Во второй половине сентября нами был тщательно разработан план действий войск 16-й армии, в котором наряду с мероприятиями, не допускавшими прорыва нашей обороны противником, предусматривались и другие — на случай отхода.

Но командующий в то время Западным фронтом И.С. Конеv утвердил только первую часть плана, а вторую, предусматривавшую порядок вынужденного отхода, отклонил. Считаю, что это решение являлось не совсем обдуманном и противоречило сложившейся обстановке. Враг еще был сильнее, маневреннее нас и по-прежнему удерживал инициативу в своих руках. Поэтому крайне необходимым являлось предусмотреть организацию вынужденного отхода обороняющихся войск под давлением превосходящего противника.

Следует заметить, что ни Верховное Главнокомандование, ни многие командующие фронтами не учитывали это обстоятельство, что являлось крупной ошибкой. В войска продолжали поступать громкие, трескучие директивы, не учитывающие реальность их выполнения. Они служили поводом неоправданных потерь, а также причиной того, что фронты то на одном, то на другом направлении откатывались назад.

Общая обстановка, сложившаяся к 14 октября на Западном фронте, оказалась очень тяжелой. Нанеся удар своими крупными танковыми и моторизованными группами на флангах, противник смог прорвать фронт на обоих направлениях как на севере, так и на юге, быстро продвинувшись в глубину и, сомкнув кольцо, окружить войска нескольких армий, оставленных на прежних рубежах западнее Вязьмы. Если в Смоленском сражении в июле 1941 года немецкому командованию подобный маневр не удался, то теперь он осуществился полностью. Окруженные наши войска, не получив помощи извне и мужественно сражаясь, погибли во вражеском кольце. На московском направлении оказалась почти пустота. Потребовались титанические усилия партии, правительства и ВГК для ликвидации нависшей над столицей Родины угрозы.

Расположив свой командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела во всех направлениях для розыска и установления связи с войсками, находившимися уже в этом районе или прибывающими с тыла, и для перехвата выходящих из окружения частей, групп и одиночек.

Бои еще на дальних подступах к столице, предшествовавшие сражению на волоколамском направлении, сроднили личный состав армии с жителями столицы. Огромная забота, проявленная москвичами о воинах армии, подняла дух бойцов, воодушевила их на борьбу и победу.

Между тем противник, завершив окружение войск нескольких армий Западного и Резервного фронтов западнее Вязьмы, продолжал наступление на восток своими подвижными танковыми и моторизованными соединениями и уже 16 октября с утра нанес удар на левом фланге нашей 16-й армии. Встретив хорошо организованное сопротивление, фашисты отходили и вновь начинали атаки. Неся большие потери в живой силе и технике, враг вынужден был вводить в бой все новые и новые силы.

Вскоре сражение разгорелось на всем фронте обороны армии.

В боях с 16 по 27 октября всеми, от рядового солдата до командарма, было сделано все возможное для того, чтобы не допустить прорыва врагом нашей обороны...

Истощив свои силы в прошедших под Волоколамском и севернее его боях, противник приостановил наступление.

Используя временную передышку, войска армии вели мелкие бои, продолжая укреплять оборонительные позиции. В этот час вызвал меня в Звенигород прибывший туда комфронт и предложил возглавить конную армию, которую мне предлагалось сформировать из прибывающих из Средней Азии четырех кавдивизий и корпуса Л.М. Доватора. Этой армии, по мнению Г.К. Жукова, предстояло прорвать вражеский фронт южнее Волжского водохранилища и нанести удар во фланг и тыл противнику, сосредоточивающемуся в районе Волоколамска. С большим трудом мне удалось доказать нецелесообразность затеи, которая могла привести только к бесполезной гибели множества людей и потере коней. Собранные вместе, кавалерийские соединения были бы легко истреблены авиацией и танками. Не знаю, то ли я убедил Жукова, то ли осложнившаяся обстановка на фронте повлияла, но, обязав меня обдумать его предложение, он к этому вопросу больше не возвращался.

Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соедине-

ния, немецко-фашистские войска группы армий "Центр", возглавляемые фон Боком, 16 ноября перешли в наступление.

К этому времени в 16-ю армию прибыло пополнение, в том числе кавалерийские дивизии, прибывшие из Средней Азии. С ними довелось натерпеться. Лошади оказались некованными по-зимнему, и это в то время, когда в Подмоскowie грунт замерз и образовался лед на мокрых и заболоченных местах. Они то и дело скользили и падали, затрудняя общее передвижение. Кроме того, личный состав не имел навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности, что снижало боевые качества соединений.

Зато прибывшая к нам из Сибири 78-я стрелковая дивизия, полностью укомплектованная личным составом и всем положенным по штатам военного времени вооружением и имуществом, возглавляемая А.П. Белобородовым, состоящая преимущественно из сибиряков, крепко нас обрадовала. Вошли в состав армии также две танковые бригады с небольшим количеством танков и одна так называемая танковая дивизия почти без них. Пополнилась несколько и наша артиллерия.

Перед самым началом неприятельского наступления неожиданно поступил приказ комфронт Г.К. Жукова нанести удар из района севернее Волоколамска по вражеской группировке. Чем руководствовался знавший обстановку командующий фронтом, давая такой приказ, мне и до сегодняшнего дня непонятно. Ведь мы имели крайне ограниченные силы, а срок подготовки определялся одной ночью. Мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки к нему остались без внимания.

Поначалу нашим частям, использовавшим неожиданность, удалось продвинуться до трех километров в глубину расположения противника, но затем еле удалось освободиться от этого вклинения. Участвовавшая в наступлении конная группа Л.М. Доватора отражала удары, наносимые врагом со всех сторон. Пользуясь подвижностью и смекалкой, она все же сумела вырваться и избежать полного окружения. Почти одновременно с этим нашим так называемым наступлением двинулся на всем участке, занимаемой армией, противник.

Наступил решающий момент. Правда, вражеское наступление не явилось неожиданным и к нему мы подготовились. Конечно, в пределах тех возможностей, которыми к тому времени располагали, хотя и очень ограниченных.

К началу наступления противника у нас были собраны достаточно точные данные о его группировке. Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Но по замечанию, сделанному мне комфронт при разговоре с ним по ВЧ, будто бы мы "паникуем" и во много раз преувеличиваем вражеские силы, можно было сделать вывод: нашим донесениям не доверяют.

Между тем взятые в бою в районе Скирманово и северо-западнее Волоколамска пленные подтвердили имеющиеся у нас сведения. Мы, конечно, понимали, что командующему фронтом хотелось бы, чтобы сил у противника было меньше. Но ведь и мы не возражали бы против этого, только приходилось считаться с фактами и готовиться встретить худшее. Успокаивать, а тем более расслаблять себя и войска мы не имели права.

В трехдневных боях, встречая стойкую оборону наших войск, враг убедился, что на волоколамском направлении ему не удастся прорвать оборону. Продолжая упорно наносить удар за ударом на этом направлении, медленно отгесняя наши части на 2-3 км в сутки, он приступил к подготовке удара южнее Волжского водохранилища на клинском направлении.

К этому времени бои шли в центре и на левом крыле армии в 10-12 км от Истринского водохранилища. Это водохранилище, река Истра и сама местность, прилегающая к ним, представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было организовать прочную оборону небольшими силами.

Тщательно все продумав и всесторонне обсудив возникший план со своими помощниками, я ознакомил с ним командующего фронтом. Попросил разрешить нам отвести войска на выгодный рубеж, не ожидая, пока противник силой опрокинет с трудом

оборонявшиеся войска и на плечах форсирует и реку, и водохранилище.

Командующий не принял во внимание всей целесообразности моей просьбы и приказал не отходить ни на шаг...

Привожу дословно содержание короткой, но грозной шифровки Жукова: "Войсками фронта команду я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать".

Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а "волевой" документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти "волевые" приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!

Снятые с истринских позиций войска, получившие приказ армии занять оборону у Солнечногорска, с тем чтобы задержать продвижение противника в сторону Москвы, форсированным маршем перебрасывались в указанный район. Но уже в пути по приказу комфронт им была изменена задача: вместо обороны они получили распоряжение наступать и выбить противника из Солнечногорска. Этот эпизод является ярким примером несоответствия желания возможностям.

На организацию наступления времени не отводилось. Оно началось успешно, поскольку фронт настойчиво требовал наступать немедленно. Поначалу наши войска имели частичный успех, несколько продвинувшись вперед, но затем были остановлены и отброшены в исходное положение. Противник успел подтянуть достаточное сил для отражения всех наших попыток выбить его из города. Правда, врагу тоже не удалось развить успех в сторону Москвы.

Войска 16-й армии переживали тяжелые дни. Они нарапались из последних сил, чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага ни на один шаг. Все мы, от солдата до генерала, чувствовали, что наступили решающие дни и что нужно во что бы то ни стало устоять. Каждый горел этим желанием и старался сделать все как можно лучше. Напрасно некоторые занимающие высокие посты начальники думали, что только они могут хорошо справиться с делами, что только они желают успеха, а к остальным, чтобы подтянуть их к собственному желанию, нужно применять окрики и запугивание...

На фоне описываемых событий хочу вспомнить один эпизод.

Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронт Г.К. Жуков и привез с собой командарма 5 Л.А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: "Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать".

Конечно, говоря о силе противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронт за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд только этим "уроком" и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: "Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! От отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение..." и т.д. и т.п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Все это произошло за то время, пока комфронт и командарм 5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта.

После бурного разговора с Говоровым пыл комфронт несколько поутих. Уезжая, он слегка, в сравнении со своими обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова.